

СТАНИСЛАВ ЯНЧИШИН

ИНДРИК- ЗВЕРЬ

ПЕРВЫЕ РАССКАЗЫ

Станислав Янчишин

Индрик-зверь.

Первые рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34109578

ISBN 9785449083265

Аннотация

Это маленький сборник первых моих рассказов, опубликованных в разное время и в разных изданиях... И сами они разные – по настроению и содержанию.

Содержание

Камушки	5
Жертвы научной фантастики	8
Вернись, Тур!	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Индрик-зверь

Первые рассказы

Станислав Янчишин

© Станислав Янчишин, 2018

ISBN 978-5-4490-8326-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Камушки

– А вот, полюбуйтесь-ка, Сенатор, еще на одного прелюбопытнейшего пациента... – голос главного врача звучал уже чуть устало, но все еще подобострастно. Не каждый день приходилось принимать столь высокую комиссию (черт бы побрал на том свете этого главара братков, вздумавшего очочиться именно в их больнице!). И вот теперь он – светило психиатрии, профессор, лауреат и прочая, должен развлекать этих болванов, во главе с известным народным избранником, историями из жизни умалишенных.

– Ну, и чем же он так любопытен? – начальственным-снисходительным голосом осведомился Сенатор. Ему давно уже было ясно, что доктор тянет время и пытается отвлечь внимание. Уж он-то, старый политический волк, на метр в глубину видел все жалкие уловки этого дилетанта. Сенатор мимоходом прикидывал, какой удар можно будет, в связи с творящимся беспорядком, нанести своему врагу – министру здравоохранения.

– Представляете, господа, – судя по голосу, врач пытался настроить комиссию на юмористический лад, – этот субъект долгие годы провел в Южной Африке, искал там сокровища какого-то туземного короля...

– Так что же? – Сенатор прервал излишества доктора, который все больше напоминал ему неудачливого провинциаль-

ного комика. — Одних в Африку тянет, других, похоже... — он многозначительно посмотрел на главврача, — в Сибирь!

Стало заметно, как побелели здоровенные санитары, но профессор переборол нахлынувшую слабость и, собрав в кулак остатки своих «талантов», бросился в контратаку.

— Но самое главное — он утверждает, что нашел их! — поймав на себе заинтересованный взгляд «самого», ободренный доктор продолжал. — Но! Вы не поверите, — последовала драматическая пауза, — этот пациент уверен, что алмазы находятся сейчас при нем! Вон они лежат перед ним на кровати!

Заинтригованные члены комиссии столпились у окошка, разглядывая диковинного психа и его сокровище, заключавшееся в кучке самой обычной гальки. Больной спокойно лежал, перебирая камни рукой.

— Богатый мужик, — усмехнулся один из проверяющих, — камушки килограмма на два тянут!

Комиссия развеселилась, а ободренный доктор рассказал, как яростно дрался этот душевнобольной за свой хлам, как пришлось оставить «сокровища» в покое. Про то, как подбросили ему один лишний, а псих с негодованием выкинул его.

— Ах, если б вы видели его возмущенную физиономию! Какое презрение было на ней написано, будто это мы идиоты! — развлекал гостей доктор. Немного посмеявшись, комиссия отправилась дальше. И только Сенатора охватило какое-то смутное беспокойство. Он постоял возле палаты

с «алмазным королем», вслушиваясь в свои ощущения. Что, что здесь было не так? Сенатор резко обернулся к двери.

Там, перед странным пациентом, лежала солидная кучка... алмазов!!! Настоящих, крупных африканских АЛМАЗОВ! Невероятное, но не оставляющее сомнений в своей реальности зрелище. Как? Как удалось этому человеку спрятать, утаить от всего мира свое состояние, в то же время держа его на виду у всех???

Сенатор не мог оторваться от фантастических камней. Внезапно он увидел глаза кладоискателя – сперва удивленные, а затем – озлобленные. Это были глаза человека, который понял, что в его величайшую тайну проник чужак. Некоторое время они поедали друг друга взглядами, и вдруг все изменилось. Черты лица «психа» разгладились. Он хитровато ухмыльнулся и ласково, почти с жалостью глядя на Сенатора, покрутил пальцем у виска...

Жертвы научной фантастики

– И все таки, Вы не могли бы членораздельно объяснить – куда девались кислородные баллоны с площадки третьего этажа, а так же многое другое, – маленькие черные глазки доцента едко смотрели на Новикова.

– Объяснить?... Сергей попытался сделать умное выражение лица, каждым мускулом чувствуя, как оно ему не идет. Увы, к этому все и шло – его ведь торпедировали на каждой сессии! Конечно, можно было плюнуть на все, уехать домой, пойти к сестренке на фирму, спокойно пить водку... Но, после стольких лет боев и походов сдаваться?! Нет, отступить совсем не хотелось.

– Понимаете, Александр Мамедович..., дело в том, что... Серега явно тянул время, пытаясь измыслить хоть что –нибудь путное – все не так просто! – Гиреев довольно откинулся на спинку стула. Весь вид доцента говорил о том, что он ожидал подобного ответа. Тут же в бой решительно бросилась Любовь Васильевна, комендант студенческого общежития.

– Новиков! – в голосе тощей комендантши гремел металл, – прекрати эту болтовню, ты мне уже шестой год кровь портишь! Своими пьянками-гулянками общежитие терроризируешь, плиту, скажешь, не ты взорвал? А это... – комендантша от гнева путалась в словах и знаках препинания, – блоч-

ная дверь исчезла, штанга, две гири из спортзала, а теперь, теперь...

— Ну, что Вы, Любовь Васильевна, при чем же здесь я?! — Вид у Сереги был, как у Блаженного Августина, пойманного за игрой в рулетку.

Раздался мелодичный перезвон. Большие каминные часы работы 19—го века — бывшая собственность помещика Василия Попова, а ныне — гордость Деканата, отметили время — 11:45.

— Новиков! — вновь послышался вкрадчивый голос Гирева — все здесь присутствующие имели за эти годы достаточно возможностей, для знакомства с Вашим красноречием. Итак, у Вас — пятнадцать минут, чтобы изложить свою версию случившегося. И постарайтесь, чтобы она выглядела правдоподобно. В противном случае, у нас на одного Новикова станет меньше... пятнадцать минут...

Ситуация складывалась отчаянная, но Сергей хорошо помнил, что впечатление на людей производит не правда, а искренность. Быть искренним, даже зная, что несешь полнейшую белиберду! Эх, была-не-была!

Теперь лицо Новикова выражало готовность сознаться в страшных прегрешениях, а голос приобрел трагические нотки закоренелого щипача, явившегося в ДОПР, чтобы, искупив вину, идти к новой жизни. — Видите ли... — он тяжело вздохнул и, опуская голову, быстро скользнул взглядом по сидящим в кабинете: отступить было поздно! — видите ли,

в природе существует еще много непознанного и неразгаданного. Люди уже не раз подвергали осмеянию тех подвижников науки, что открывали новые горизонты познания. Вас это удивит, но я знаю, на что иду! – (театральный вздох, затем, голова гордо вскидывается вверх) Вы вынудили меня преждевременно признаться во всем!... Да, все это сделал я, и сделал в интересах чистой науки!!! (Боже, что я несу?)

Реакция присутствующих не нуждалась в комментариях. Секретарша Юлечка смотрела на Серегу с жалостью – так смотрят на полных идиотов. Любовь Васильевна тарасила глаза, поражаясь невероятной наглости допрашиваемого, даже голосовые связки парализовало от удивления. Гирев же, напротив, хитро шурился, поглаживая бородку, а губы его все больше и больше расплывались в довольной улыбке. Еще бы – глупая рыбина не только сама лезла в сеть, но и расставляла пошире плавники, стараясь (видно, из любезности) как можно более тщательно запутаться в ячейках!

Серега впал в какой – то самоубийственный азарт. Понимая, что останавливаться нельзя, он говорил, говорил, говорил... О тонких материях, иных измерениях, телепортации. На свет божий выплыло читаное где – то словечко: трансгрессия. Далее последовала череда недооцененных современниками талантов: да Винчи, Архимед, Спиноза, Лобачевский, Гумилев, Коперник, Ван-Гог (Господи, Ван-Гог-то здесь причем?! – стенала в ужасе какая-то извилина серегиного мозга), Ломоносов,.. э-э...

– Галилей... – масляным голосом подсказал Гиреев. – Он был на вершине блаженства. А как же – вот он, шанс окончательно потопить непотопляемого Новикова!

– Спасибо, Александр Мамедович, очень дельное замечание!

– Продолжайте... – Гиреев уже даже не говорил, а почти восхищенно нашёптывал.

– Да... э... так вот... перейдем к сути вопроса...

– Пора бы!

– Итак, все те предметы, о которых говорилось, были перенесены из нашего – трехмерного мира в мир виртуальный, причем, исключительно в научных целях. Ведь еще в двадцатые годы великий Фридман обосновал...

– Прекрасно! Гениально! – голос Гиреева звучал все еще ласково, но каждое слово резало как ятаган, – у Вас есть уникальный шанс завоевать пылких сторонников Вашей теории.

За оставшиеся четыре минуты отправьте в это виртуальное измерение какой-нибудь материальный предмет. Ну, хоть бы, наши знаменитые каминные часы. Разумеется, в случае удачи все обвинения будут с Вас сняты. Так что, действуйте, Мерлин Вы наш!

– Часы?! – Серега всем своим видом уже напоминал буйно помешанного. Вообще-то, ему только и оставалось, как косить на психа (как возможный вариант – забиться на полу в припадке и пустить изо рта пену).

Маленький позолоченный купидончик, целился в Сер-

гея, как полтораста лет назад в страдавшего манией величия, генерал-майора Попова. Секунды стремительно улетали, а несчастный дебошир и гроза четвертого общежития, яростно втолковывал своим инквизиторам, что дело не в конкретных часах и не в предметах вообще, а в искривлении темпорального потока, напряженности магнитного поля и лично его, экспериментатора тяжелом состоянии в данный момент. В воздухе пахло отчислением и чем-то еще. Призрак родной Ивановки явственно вставал на горизонте, чудились изошренные проклятья матери и злые подначки сестры. Серега уже почти не контролировал себя, его язык, в исступлении, все наращивал и наращивал обороты...

Звонок с пары все оборвал, обдал холодным душем. Звонок на 12 – 05...

Гиреев победоносно вскинул левую руку, дабы сверить часы и вынести заключительный вердикт. Странно! На нем же точно были его Командирские с авто-подзаводом. Странно. И тут...

Этого нельзя было не заметить или, тем более, не услышать! Медленно, как в кино, Гиреев повернул голову влево, – туда, откуда еще пять минут назад должен был раздаваться характерный полуденный бой часов. Двенадцать ударов!

В следующие несколько секунд лицо доцента вытягивалось (казалось, оно стремится перешеголять типажи Дон Кихота или Дзержинского). Боя часов не было, как не было и самих часов! Массивных, с золочеными стрелками, купидона-

ми и нимфами, подаренных когда-то генералу Попову в день его тезоименитства благодарными тифлисскими армянами. Неее – б – ы – л – о – о – о!!! Как не было «Командирских» самого Александра Мамедовича, электрического будильника на столе у обалдевшей секретарши и аляповатого настенного блина в кабинете декана.

О! Где ты, Гоголь, способный описать эту немую сцену?! Какая там бабушка! Какой Юрьев день!

Примерно через полминуты смысл произошедшего дошел и до всех остальных. Комендантша, в силу своей необразованности, лишь мелко крестилась и что-то бормотала, а секретарша Юлечка, сочла за лучшее просто хлопнуться в обморок. На Гиреева же, смотреть не только страшно, но и, пожалуй, вредно для здоровья.

Серегу, после перенесенного, соображал очень туго. Единственное, что он понимал, глядя на лица этих людей: из Университета его вышибать уже никто не собирается. Твердо усвоенное с детства правило: «куй железо, пока горячо» сработало, заставив язык произнести:

– Так я все понятно разъяснил? – молчание и утвердительные, весьма энергичные, кивки. – И я теперь могу быть свободен?

– И-идите, Сергей, ко-конечно... – Александр Мамедович смотрел на него взглядом закоренелого атеиста, которому явился шестикрылый серафим и вручил повестку в районное отделение Святейшей Инквизиции (ля – ля – ля – ля –

ля, я сошел с ума, какая досада!).

И лишь когда Новиков был у самой двери, Гиреев, собрав всю свою недюжинную волю в кулак, окликнул его извиняющимся тоном: – Сергей Анатольевич, простите, но где же все-таки часы?

Серега медленно повернулся и уже с порога, удивленным, полным самой искренней невинности голосом, переспросил: – Часы? Какие часы?

2001

Вернись, Тур!

Я тогда оказался в Трейле. Канада, Британская Колумбия, у самой границы с США. Местечко жутковатое и очень-очень грязное. Есть хотелось невероятно, так что, пришлось искать хоть какого-то заработка.

Помню, однажды мне довелось разгружать вагон с цементом. Через десять минут в такой, раскаленной солнцем, железной коробке начинаешь проклинать эту работу, еще через десять – весь цемент вообще, а еще через пять – сам факт своего существования на этом свете. (Пот глаза заливает, утереться в противогазе нельзя, а снимать его – почти смертельно. Так и ползаешь полусогнутый, с пылесосом в руках. К концу смены не хочется уже ничего, вообще ничего! Топашь, как кукла к крану, зная, что если не отмыть вовремя волосы – конец им, стригись наголо!)

Так вот, та работенка была просто курортом по сравнению с пребыванием в этом городишке дымоглотов.

Огромные мрачные цистерны с вязкой слизью на дне. Серная кислота. Ее надо счищать скребком, аккуратно ступая по скользкому полу. Только бы не упасть! Только бы не рухнуть в эту вонючую едкую дрянь, ибо неизбежная гибель не будет быстрой. Клянусь, в Амазонии, кишевшей змеями, пауками-птицеедами, аллигаторами, гнусом и пропитанной лихорадкой, мне было не так страшно!

Этот парень работал рядышком, но тогда мы не познакомились. Некогда было по сторонам глазеть и болтать. Наверное, и он не замечал никого.

Меня, к счастью, вскоре перевели в кровельщики. Свежий воздух – красота! Стою внизу у котла, асфальт варю, а ребята на крыше совсем околевают, зима ведь. Вспомнил я, как мы в девяностом на постройке артиллерийских складов в Федоровке грелись. Взял несколько кирпичей, немного прокалил, да и отправил в ведре на крышу. Такой кирпичик под одежду – лучшей грелки и не придумаешь! В перерыве кровельщики подошли поблагодарить. Вот тут-то я с НИМ и познакомился.

Молодой рослый парень, только, слишком худой – похоже, недоедает. Длинное лицо, высокий лоб, зачесанные назад волосы. Глаза глубокие, умные и, какие-то очень знакомые. Разговорились: Тур, норвежский эмигрант поневоле, на войну не успевший. Напряг я свои географические познания и выдал список: Осло, Берген, Тронхейм, Нарвик, Намсус, Ондальснес, Ставангер, остров Медвежий, архипелаг Свальбард...

Смотрю, а у него глазищи изумленные.

– Как? – говорит – Ты, Джим, и наше, норвежское название Шпицбергена знаешь?! – Знаю – говорю скромно (меня тогда Джимом звали). – Откуда? Бывал в Норвегии? – Нет. Просто слышал, да и читал кое-что... – ну, не скажу же я ему, что у меня за плечами университет!

Слово за слово, день за днем, в общем, так и подружились. Думаю, он по общению тосковал. Каково было ученому оказаться в такой ситуации! А я сразу заслужил его симпатию, хотя бы, проявлением элементарной образованности.

Это была тяжелая голодная зима с сорокового на сорок первый. Едкая гадость, висевшая в воздухе, щипала глаза, оседала в легких, забивала поры кожи. В таком месте, чтобы сберечь здоровье, нужно очень хорошо питаться, но на что могло хватить наших жалких грошей? Продуктов хватает, не хватает денег на них! Тур, зная, что я живу один, делился куском пудинга, который готовила ему Лив. И спорить было бесполезно.

За долгие годы бросков и странствий я повстречал много людей. Разных. Когда-то в юности верил, что они делятся лишь на умных и глупых. Это оказалось не так. Порой, умники творили зло не хуже глупых. Зло более страшное и изощренное...

Я видел, как бедность, тяжкий труд, обиды, крушения надежд озлобляли, коверкали людей, разъедали их души сильнее любой кислоты. А Тур просто делился. Его родную страну топтали фашисты, неоткуда было ждать помощи, а он делился со мной – чужим человеком. Еще недавно его семья почти голодала в Ванкувере, он только-только нашел работу, и делился! Бесполезно было ругаться, напоминать о двоих малышах, которых ему надо кормить... Он лишь улыбался, шутливо демонстрировал бицепсы и силой, надеждой свети-

лись северные глаза. Улыбался и просил рассказать про Бразилию, про парящие во тьме города Дарданелл, про зубцы Ай-Петри, Долину Гейзеров, сказочные днепровские плавни и зеленую нить Иордана. Тур долго упоенно слушал, а потом сам начинал вспоминать узкие фьорды Халогаланда или тихоокеанский остров с таинственным названием: Фату-Хива...

Потом меня снова бросило. Прямо таки, швырнуло. Неожиданно, без всякого предчувствия. Опомнился я уже в Карпатах, в совсем другом времени.

Прошли годы. Швыряло еще несколько раз. И вот, наконец-то, я оказался там и тогда, где давно хотел быть – на войне. На той самой Войне!

...Мы гнали фрицев от Мурманска. После трех лет обороны мы наступали.

Речку Петсамойоки не на каждой карте найдешь. Мала она для карт, но, сколько наших там полегло! Водича в ней и летом не парная, а уж в октябре... И все же, мы наступали!!! Каждая сопка оцетинилась дотами, из-за каждой скалы неся убийственный металл, кося и кося ребят. А мы гнали фашистов, через Финляндию к норвежской границе.

Видели вы город, в котором один дом? Нет, не так. Видели ль вы город, в котором ОСТАЛСЯ один дом?! Таким нас встретил Киркенес утром 25 октября 1944 года. Развалины нескольких бункеров и черные контуры на снегу – здесь прошли немецкие факельщики. Взорванный мост через Яр-

фьорден, разрушенная узкоколейка... Такой я увидел Норвегию, область Финмаркен.

У наших войск было перед союзниками обязательство не углубляться дальше, и вперед пошли лишь маленькие норвежские отряды.

Ночь. Зима. В Заполярье это почти одно и то же. Холодно. Ой-ой-ой, как холодно! А посреди всей этой экзотики – оборванные голодные люди, некоторые, лишь в оленьих шкурах. Мирные потомки грозных викингов. Мирные? Уже не очень.

Черт, не дали им остаться мирными! Молодые и пожилые, они просили у нас оружие, сами добывали, как могли, чтобы бить фашистов. Всюду, где найдут!

И над маленьким кусочком Норвегии вновь развевались национальные флаги этого северного королевства.

Уже в Мурманске я случайно увидел грузовик, из которого, буквально, выползали несколько заиндевевших офицеров с кокардами норвежской армии на шапках. Их встречал мой старый приятель капитан-лейтенант Стрельцов. Он что-то усиленно втолковывал им, союзники лишь кивали. Затем каплейт отвел в сторону молодого лейтенанта с ППШ на шее. Пару минут они шептались с жутко секретным видом. Я пригляделся, и меня будто током ударило. Лицо! Такое знакомое лицо! Неужели, Тур? Нет, не может... хотя, почему нет? Норвежец же! Вот так встреча! Фронтовое счастье...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.